

Моей родине посвящается

Не буди лихо, пока оно тихо.

14 июля, воскресенье

Пролог

— Ты что, первый раз видишь, как выкапывают тело?

Следователь из отдела по расследованию убийств Эрик Шефер сунул в рот сигарету «Кингс» без фильтра и подошел к крану.

Подъемный механизм скрипел и визжал, пока ржаво-красный металлический монстр вытаскивал из ямы перепачканный глиной гроб.

Элоиза Кальдан отмахнулась от мухи и кивнула.

— Я бы сказал, не детское это зрелище.

— Боюсь, мы здесь мало что обнаружим, — сказала Элоиза и посмотрела на надгробие — почерневшую мраморную глыбу, убрannую в сторону, перед тем как началось вскрытие могилы. Камень лежал надписью вниз на желтой, выжженной солнцем траве.

Шефер покачал головой, как бы говоря: и да, и нет.

— Это много от чего зависит, — сказал он. — Трупы в сундуках тоже по большей части удивительно хорошо сохраняются.

Элоиза посмотрела на него скептически.

— Даже спустя столько лет?

Он прикрыл сигарету от ветра ладонью размером с бейсбольную перчатку и закурил.

Когда он заговорил, изо рта и ноздрей у него повалил дым.

— Трупы, которые лежат просто в земле, быстро разлагаются. От них во мгновение ока остаются одни кости — в течение нескольких месяцев, а иногда и недель при нынешней погоде.

Шефер посмотрел на Фленсбургский фьорд. Солнечные лучи играли на поверхности воды, повсюду виднелись белые паруса.

Он снова посмотрел на экскаватор.

— А в гробу человек сохраняется в хорошем состоянии многие годы. Не пойми меня неправильно: это не бог весть какое приятное зрелище, но можно вполне рассчитывать, что внутри вот этой штуки есть что-то похожее на человека.

Он указал подбородком на гроб, который в то же самое мгновение показался из ямы.

Соленый воздух фьорда и запах древесного угля из лагеря на берегу смешивались с глубокими нотами гнили, и Элоиза отступила на шаг назад.

— Что теперь? — спросила она.

— Сейчас мы отвезем гроб на судебно-медицинскую экспертизу, и они посмотрят, что внутри.

С глухим стуком гроб опустился на металлическую тележку стоявшего впереди рефрижератора.

— Везти в Обенро или в Сеннерборг? — спросил служащий в форме, стоявший рядом с водителем.

— Нет, нет, — сказал Шефер, помахав указательным пальцем. — На Чертов остров, ребята.

Он подошел к ним, и Элоиза услышала, как он объясняет им, что гроб нужно перевезти в Копен-

гаген. Она видела, что он достал ордер из заднего кармана и показал его полицейскому.

В кармане у нее завибрировал телефон. Он был подключен к немецкой мобильной сети, потому что они находились близко к границе, и номер не определился.

— Алло?

— Здравствуйте, я говорю с Элоизой Кальдан? — спросил голос тихо, почти шепотом.

— Да, это я.

— Меня зовут Маркус Сенгер, я из Патронажной службы. Звоню по поводу Яна Фишхофа.

У Элоизы упало сердце, и она уронила голову на грудь.

— Он умер? — спросила она и провела рукой по шее.

— Нет, но уже близок. У него сильные боли, он все время то приходит в себя, то теряет сознание, так что мы думаем, что это вопрос нескольких часов.

— Но вчера вечером я разговаривала с вашей сотрудницей, и у меня сложилось впечатление, что он чувствовал себя более-менее.

— Верно, но ночью ему очень поплохело. Он спрашивал о вас несколько раз. Поэтому я и звоню.

Элоиза кивнула и посмотрела на немецкое побережье на противоположной стороне фьорда.

— Я сейчас не в Копенгагене, но я... — Она посмотрела на часы. До следующего рейса оставалось чуть больше двух часов. — Я могу приехать самое позднее после обеда.

— Большое вам спасибо. Скрестим пальцы, чтобы вы успели.

— А сейчас с ним есть кто-нибудь?

— Да, в доме есть люди, но он не хочет, чтобы кто-нибудь входил в спальню. Он хочет видеть только вас.

— Хорошо, — кивнула Элоиза. — Скажите ему, что я уже еду.

— Спасибо, я все ему передам.

— И, Маркус... так вас зовут?

— Да.

— Скажите ему... — Элоиза посмотрела в безоблачную пустоту над головой и постаралась найти слова. — Скажите ему, чтобы он не боялся и... — она несколько раз сглотнула, — скажите, чтобы он дождался меня.

Элоиза положила трубку и встретила взглядом с Шефером. Он подошел и взглянул на нее, нахмурившись.

— Фишхоф? — спросил он.

Она кивнула и убрала телефон.

— Мне нужно домой. Они думают, что он умрет сегодня.

Глядя на нее, Шефер глубоко затянулся сигаретой.

— Хорошо, — кивнул он и снял с нижней губы крошку табака. — Только не вовлекайся слишком сильно, ладно?

— Что ты имеешь в виду?

— Просто не забывай, что речь идет не о члене семьи. Он тебе не отец, так что смотри в будущее, Кальдан.

Элоиза несколько секунд смотрела ему в глаза.

— Он умирает, ты это понимаешь? Умирает, и он совсем один.

Шефер кивнул:

— Да, я понимаю, но люди умирают каждый день. Невозможно каждого держать за руку.

Элоиза покачала головой. Она слишком устала, чтобы расстраиваться.

— Я и не собираюсь держать их всех за руку. Я говорю об одном человеке. Один человек, для которого я могу сделать что-то. Сейчас. Сегодня! Разве не в этом вся идея Патронажной службы?

— Да, и это очень хороший поступок, — сказал он, кивая. — Но для этого нужно иметь крепкие нервы.

— Да, я понимаю. К чему ты клонишь?

Шефер слегка пожал плечами.

— Похоже, вся эта ситуация сильно влияет на тебя.

Элоиза скользнула взглядом по покрасневшему глазу Шефера, потом по гробу и снова посмотрела на Шефера.

— Конечно, влияет, — сказала она. — Не знаю, заметил ли ты, но это были довольно тяжелые дни. Теперь Фишхоф умирает, а я пообещала ему быть рядом. Я пообещала избавить его вот от этого дерьма, — она указала на гроб.

— Элоиза, какого черта. — Шефер покачал головой со снисходительной миной на лице. — Ты же, блин, знаешь, что...

— Мне нужно домой! — Элоиза повернулась к нему спиной и направилась к машине. — Я дала обещание.

Шефер бросил сигарету и наступил на нее.

— Вот и не надо было, — пробормотал он.

10 июля, среда

Четырьмя днями ранее

1

Элоиза отперла дверь электронным ключом, который ей выдал «Красный крест», и вошла в полутемный вестибюль. С момента первой встречи, состоявшейся три месяца назад, промежутки между ее визитами в маленький фахверковый домик в Драгере сократились, и сегодняшнее посещение было уже третьим за неделю.

Она повесила сумку на крючок в коридоре и пошла на кухню, чтобы доложить о своем прибытии сиделке из Патронажной службы, которая, как она слышала, что-то делала там.

— Здравствуйте, Рут, — сказала она, обращаясь к спине миниатюрной женщины, которая вытирала кухонный стол. Ее движения были очень демонстративными, и она продолжила работать, наклонив голову и не поднимая глаз. У нее была короткая мужская стрижка, и Элоиза заметила в складках шеи белые незагорелые полоски.

Элоиза бросила взгляд в сторону спальни, дверь которой была приоткрыта.

— Он спит?

— Нет, не думаю, — сказала Рут. — Я вывезла его в сад, чтобы он подышал свежим воздухом. —

Она с силой отжала полотенце и повесила его на кран. — Здесь так темно и грустно, а он весь день сидел, опустив голову, поэтому я подумала, что ему нужно немного побыть на улице. Но ему это не очень понравилось, старому ворчуну. Он вел себя так, будто ему объявили, что сейчас отрежут ногу.

Элоиза улыбнулась. Ей уже приходилось слышать, как Ян Фишхоф ворчит по столь безобидному поводу, как прогулка.

Она заметила на кухонном столе тарелку с нетронутым мясным рулетом и домашним подрумяненным картофелем.

— Сегодня он и есть ничего не стал?

— Ни кусочка. — Рут вытерла руки о фартук. — Я сказала ему, что он не получит пива, пока не поест немного, но его было никак не уломать.

— Но пива он выпил, да?

— А разве он поел?

Лицо Рут не выражало никаких эмоций. Она принялась заворачивать завтрак в большой кусок пищевой пленки.

— Ооо, перестаньте, Рут, — сказала Элоиза, наклонив голову. — Раз уж человеку так сильно хочется, чтобы его последняя трапеза была подана в бутылке, разве не стоит нам позволить ему это?

Рут поджала губы.

— Может быть, это и есть заголовок, который вы выбрали для своей статьи? «Смерть от пьянства»?

Слова упали тяжело, и у Элоизы возникло ощущение, что они были придуманы уже давно. Она удивленно подняла брови и улыбнулась.

— Вам не нравится, что я здесь, Рут?

— Да, не нравится.

Рут повернулась и встретила глазами с Элоизой. На лбу у нее собрались морщины, а руки были уперты в бока. Густой румянец залил ее толстую шею.

— Старик, который умирает, не должен быть газетным развлечением для читателей. То, что здесь происходит, — серьезно.

— Да, я прекрасно это понимаю.

— Задача Патронажной службы — забота и присутствие в эти последние тяжелые часы. Чтобы слушать, утешать и делать все возможное, чтобы облегчить горе расставания с жизнью.

— Но я здесь именно для этого. — Элоиза непонимающе покачала головой. — Вам не кажется, что Ян рад моим визитам?

Рут мгновение колебалась.

— Я думаю, что ваше присутствие скорее затягивает его мучения.

Элоиза нахмурилась.

— Что вы хотите этим сказать? — спросила она.

Но Рут не нужно было ничего говорить. Элоиза уже знала ответ. Когда она впервые навестила Яна Фишхофа, врачи из Патронажной службы «Красного Креста» сказали, что он умрет еще до конца недели. Это было почти три месяца назад. Теперь же, они полагали, все изменилось именно благодаря появлению Элоизы: Фишхоф обрел то, ради чего стоило жить, и это в такой степени обязывало, что ничего подобного Элоизе раньше не приходилось испытывать. Она чувствовала себя так, словно держала в руках жизнь этого человека, но понимала, что это бессмысленно. Он все равно умрет. Однако она не могла заставить себя бросить его в беде.

— Он испытывает очень сильные боли, Элоиза, и половину времени представления не имеет, кто

он и на какой планете находится, — сказала Рут, говоря о начинавшейся у Фишхофа деменции. — Мозги у него превращаются в компот, а тело... да вы сами знаете, как он выглядит! — всплеснула она руками. — Зачем вы продолжаете приходить? Ради *статьи* в газете? — Она практически выплюнула это слово. — Оставьте его в покое, Элоиза. Ладно? Оставьте его в покое!

Элоиза положила руки на плечи Рут, так что они оказались лицом друг к другу.

— Я понимаю ваше беспокойство, но я хочу, чтобы вы знали, что, хотя это и началось как рабочее задание для меня, все изменилось. Я здесь уже не просто как журналист. Я здесь потому, что хочу быть здесь, и потому, что мы с Яном, мы... мы привязались друг к другу. Понимаете?

Рут молча скептически смотрела на Элоизу.

— Дело уже не в работе, — добавила Элоиза.

Рут неохотно кивнула.

— Значит, вы не собираетесь писать о нем?

Элоиза на мгновение прикусила губу, подбирая слова.

— По крайней мере, не сейчас и не так, как вы это себе представляете. Обещаю.

Губы Рут дрогнули, и это означало, что она приняла сказанное. Она несколько раз примирительно похлопала Элоизу по щеке влажной ладонью. Затем убрала тарелку в холодильник и сдернула фартук.

— Ну, что ж, если вы собрались посидеть с ним, то... наверно, я пойду.

— Да, идите, конечно, — кивнула Элоиза. — Я за ним присмотрю.

Рут вышла из кухни, и Элоиза, услышав, как хлопнула входная дверь, подошла к открытой двери